

АЛЕКСЕЙ
МАКЕЕВ

УБИЙЦА

ПРЯЧЕТСЯ ВО МНЕ

Черная кошка

Алексей Макеев

Убийца прячется во мне

«Научная книга»

2014

Макеев А. В.

Убийца прячется во мне / А. В. Макеев — «Научная книга»,
2014 — (Черная кошка)

ISBN 978-5-699-76585-0

Известный учёный-химик Эльза Штерн приезжает в Россию, чтобы поздравить с юбилеем своего сводного брата Леонида. На торжественном ужине Леонид внезапно умирает. Следствие устанавливает, что он был отравлен, причём отравлен одним из гостей. Помимо Эльзы, под подозрение попали трое друзей Леонида: Жилин, Иванов и Федотов, а также их жёны. У каждого из них были и мотив, и возможность совершить это ужасное преступление. Но сотрудники частного детективного агентства «Интеллект» вскоре сузили область поисков и обратили своё внимание на некую химическую лабораторию, которая занималась изготовлением реактивов для Эльзы Штерн...

ISBN 978-5-699-76585-0

© Макеев А. В., 2014
© Научная книга, 2014

Содержание

Вступление	5
Глава первая	6
Глава вторая	21
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Алексей Макеев

Убийца прячется во мне

Все имена, названия и события, изложенные в данном произведении, являются исключительно плодом авторского воображения и не имеют ни малейшего отношения к действительности. Любое совпадение персонажей или событий с реальными лицами или происшествиями возможно только случайно.

Вступление

Характер каждого человека независимо от происхождения, уровня образования и социального статуса – это причудливая смесь самых разных черт, стремлений и побуждений. Еще в древности умные люди выделили четыре основных темперамента, но сегодня мы понимаем – чистые сангвиники, холерики, меланхолики или флегматики встречаются довольно редко, чаще всего можно говорить только о том, что один из темпераментов превалирует над другими. Темперамент определяет характер человека, в котором при всей его сложности одна из черт тоже выражена ярче других. Это нормально, но когда она начинает заметно преобладать над остальными, это уже опасно, такая черта становится главной направляющей силой, подчиняет себе хозяина, а тут и до преступления недалеко.

Ведь что такое преступление? Это не просто нарушение закона. Как правило, человек идет на преступление тогда, когда какое-либо желание – страх разоблачения, страсть к женщине (или к мужчине, что встречается едва ли не чаще), стремление к богатству или жажда власти и славы – становится определяющим. Когда одна из черт характера, одно желание или стремление начинает руководить человеком, определять его поступки. И зачастую жажда славы оказывается сильнее прочих стимулов. Хуже всего, что человек, ставший рабом своих желаний, портит жизнь не только себе, но и другим.

Два случая, о которых я хочу рассказать, как раз из этого ряда. У кого-то может создаться впечатление, что эти преступления были раскрыты случайно, благодаря непредвиденному стечению обстоятельств. Это и так, и не совсем так. Вернее, совсем не так! На первый взгляд преступник вроде действительно разоблачен случайно. На самом же деле это закономерно, ибо случайностей не бывает. Если судьба подбрасывает сыщику знаки, это не случайно, это правильно. Преступник не должен оставаться безнаказанным, а если порой остается, то потому только, что не все умеют видеть и (главное!) правильно понимать знаки судьбы.

Глава первая

Преамбула

Дело о плагиате, или Какой прок в осколках бутылочного стекла

В те дни, когда мы с Иваном Макаровичем, завершив дело об убийстве адвоката, ожидали окончательных результатов расследования, подвернулось нам новое, очень интересное дело, о чем я вскользь упоминал в предыдущих записях. Конечно, интересным я его называю со своей точки зрения, кому-то другому оно таковым не покажется, ибо детективная составляющая выражена в нем слабо. Но для меня привлекательность дела определяется не перестрелками, драками и погонями, а возможностью проявить интеллектуальную мощь, психологически переиграть преступника. Вершина же сыщицкого мастерства – когда дело раскрывается, практически не выходя из кабинета, можно сказать, математически просчитывается.

Иван Макарович еще при нашем знакомстве упоминал, что не в его обычае начинать новое дело, пока старое не закрыто, но в данном случае, я имею в виду убийство Николая Петухова, мы сделали все от нас зависящее, преступника определили и подсказали следователю, как вывести его на чистую воду. Оставались рутинные следственные действия, от нас никак не зависящие, поэтому, хотя формально дело не было завершено, мы уже относились к нему как к закрытому, поэтому, когда Ивана Макаровича попросили помочь, он не отказал. Тем более попросил непосредственный начальник.

День поначалу никаких неожиданностей не предвещал. Новых расследований пока не планировалось, поэтому мы с профессором коротали время, лениво споря о перспективах окончания следствия по делу адвоката. То есть мы не сомневались, что преступники получат по заслугам, спорили только о сроках: я полагал, что милейший Роман Антонович справится за пару дней, а вот более опытный, и оттого более осторожный Иван Макарович отводил молодому следователю пять дней.

В тот момент, когда я, выслушав доводы старшего товарища, обдумывал ответные аргументы, дверь тихо отворилась, и в кабинет вдвинулась габаритная фигура директора агентства. И как-то странно он вошел, неуверенно, что ли. Я уже говорил, шеф – мужик внушительный, прямо-таки излучающий энергичный оптимизм, но сейчас он явно робел, причем настолько явно, что даже я заметил, хотя особо наблюдательным себя никогда не считал. Что уж о профессоре говорить? Он-то психолог отменный, сразу понял, что что-то не так. Видимо, лицемерие поникшего и растерянного шефа, всегда уверенного в себе, было для него в новинку.

– Шеф, что это с тобой? Беда какая приключилась?

Тот открыл было рот, затем нервно на меня оглянулся, прикидывая, не третий ли я лишний. Прикидывал долго, пару минут, не меньше, потом кивнул и уселся за стол. Я мысленно дух перевел, уходить мне, понятное дело, совсем не хотелось. Вероятнее всего, шеф уже не видел во мне странного чужака, а воспринимал как своего сотрудника. Да и как иначе, если даже гонорар мне выплатить велел, как полноценному детективу?

– Слушай, профессор, не сердись, я тут за тебя распорядился, кофейку попросил.

– Ты что, шеф, заболел? Какие извинения? Мы с Сергеем Юрьевичем тоже закажем.

– Ну и лады. Сейчас Анечка поднос принесет, я все и расскажу. Беда не беда, но свинство большое. Ты тоже, Юрич, к столу ближе придвигайся, чтобы мне на тебя все время не оглядываться.

Вот это уже признание, повод для гордости. Шеф, поначалу отнесшийся к моему появлению как к блажи старика-профессора, теперь, всего несколько дней спустя, допускает меня

к обсуждению чего-то важного, скорее всего, касающегося его лично. Такое признание со стороны монументального шефа, фактически первое на поприще частного сыска (Иван Макарович не в счет, он – друг), согрело мое самолюбие едва ли не сильнее, чем гонорар, полученный когда-то давно за первую книгу.

И не надо считать шефа хамоватым опером оттого, что «тыкает», просто манера общения у него такая. И к нему все сотрудники на «ты» обращаются, разве что за исключением секретарши Анечки, которая, во-первых, довольно молода, а во-вторых, влюблена, по-моему, в своего начальника без памяти. Ну, влюблена она или нет, но дело свое знает. Я только успел стул к общему столу придвинуть, как она уже впорхнула в кабинет, споро расставила на столе чашки, ни капли не пролив, и удалилась, стрельнув в шефа глазами. Но он не заметил, уставившись в стол, обдумывал, с чего начать.

– Профессор, ты мою племянницу Татьяну помнишь?

– Конечно. Только не видел давно, она, пожалуй, с год назад последний раз сюда заходила, если не больше.

– Но ты же помнишь, что она у меня красавица и умница. А ее, уму непостижимо, в воровстве обвиняют.

– В чем?!

– В воровстве. И кого? Мою Танюшку?

– И что же она, позволь узнать, украла? И у кого?

– Не украла. Если точно, ее обвинили в плагиате. Якобы она чужую идею за свою выдала. Предложили уволиться по собственному желанию, мол, скандала они не хотят, чтобы сор из избы не выносить. Срок – неделя.

– Так это у нее на работе случилось? – уточнил я.

– Ну да. Танюшка ревет, совсем упала духом, а я даже не знаю, что теперь делать.

– Ничего. Увольняться.

– Как?

– Просто. По собственному, как предложили. Они не смогут доказать ее вину, но и она не докажет, что ничего не крала, да и противно это, доказывать, что ты не верблюд. В любом случае ей там больше не работать, так лучше уйти, но на своих условиях.

– Извини, Юрич, ты мужик неплохой, я тебя уважаю, но шел бы ты... Такие советы имеет право давать лишь тот, кто сам подобное испытал.

– Думаешь, не испытал? Зря так думаешь, иначе я бы не встревал.

– Че, правда? Никогда бы не поверил. Тебя что, тоже в воровстве обвиняли?

– В промышленном шпионаже.

– Да иди ты!..

– Представь себе. Когда-то давненько, в молодости, я работал в представительстве одной инофирмы. Ну, это я сейчас так говорю, с высоты своих пятидесяти лет, но было мне тогда уже хорошо за тридцать. И вот в один прекрасный день босс объявляет мне, что фирма более в моих услугах не нуждается. А подозревал он меня в том, что я сливаю коммерческую информацию конкурентам, ни больше ни меньше.

Так оно и было, но «крысятничал» другой человек, не я. Правда, все это выяснилось несколькими месяцами позднее, а тогда, в первый момент, шок я испытал сильнейший: впервые меня именно увольняли, да еще и по таким основаниям. Было обидно, не скрою, но, подумав, я решил уходить. Не говоря уже о том, что доказывать, что ты ни при чем, противно, но, даже если бы мне это удалось, работать там я уже не смог бы. Я и раньше-то начальника своего Тони не особенно уважал, а теперь он и вовсе вызывал отвращение, так что трудиться под его началом было бы весьма не комфортно. Поэтому я и решил уйти, но не так, как Тони хотелось, а на своих условиях.

Когда он предложил мне написать заявление об уходе, я отказался. Твоя, говорю, идея, ты меня и увольняй, а я пока никуда уходить не собираюсь, места другого себе не ищу. Босс натурально опешил. Он же считал, что чуть ли не облагодетельствовал меня: как же, скандала не раздувает, послужной список не портит, позволяет уйти тихо, без шума, а тут вдруг такие фортели. Стал угрожать, смотри, мол, парень, уволю по статье, рекомендаций не дам, тебе же хуже будет, ни одна приличная фирма тебя не возьмет. Ничего, говорю, не парься, увольняй, а со своими будущими проблемами я как-нибудь сам разберусь.

– А ты, Юрич, рискованный был в молодости. Он же и впрямь мог тебе капитально трудовую книжку испортить, если бы по статье уволил.

– Никакого риска, ни малейшего. Ты, шеф, со своей колокольни смотришь, а я к тому времени на инофирмах уже не первый год работал, и та фирма была у меня тоже не первой, так что в особенностях их кадровой политики я разобрался. Для иностранцев главное – скандалов избегать, не допускать, чтобы имя фирмы публично трепали. Вот, допустим, уволит он меня по статье, а я подам в суд. Что тогда? Он же не смог бы доказать, что я шпион, значит, последовало бы обвинение в клевете и отмена незаконного увольнения. Даже если бы Тони иск выиграл, все равно получилось бы долгое и, самое главное, открытое, то есть публичное разбирательство. А это скандал, за который его самого начальство высекло бы нещадно.

Есть и еще одно обстоятельство. Иностранцы и сейчас частенько носы задирают, а уж тогда, в девяностых, по всем параметрам себя выше нас ставили. И честнее они, и к работе относятся ответственнее, и даже персонал не абы как отбирают, а по науке, тесты там всякие, собеседования. А теперь представь, сотрудник, отобранный якобы по новейшим западным методикам, оказался настолько негодным, что его увольнять пришлось. Это ж позорище. Где же, позвольте спросить, ваша хваленая наука, господи? Как же вы еще на стадии тестирования не поняли, что кандидат не подходит? Ну, а если сам уволился, все чисто: мало ли какие могут быть личные обстоятельства.

Вот почему инофирмы стараются без крайней необходимости никого не увольнять, предпочитают либо тихо выдавить, либо уговорить, чтобы сам ушел. Тони это все знал не хуже меня, а потому, поняв, что нахрапом не взять, предпочел договориться. В результате я написал-таки заявление, как он хотел, но стряс с него, во-первых, очень приличные отступные, а во-вторых, рекомендации.

– Занятная история, согласен, но Танюшке твой опыт не годится.

– Отчего же? Нет, я помню, ты сказал, что для нее случившееся чуть ли не трагедия, но это уже от характера зависит. Я, видишь ли, давно понял: для того, чтобы обрести душевный комфорт, надо научиться жить в гармонии с самим собой. То есть делать то, что ты хочешь, а не то, чего хотят от тебя другие, если, конечно, при этом никому не мешаешь. И одобрение надобно получать, прежде всего, от внутреннего «я», а не искать на стороне. Для меня, например, главное, что я сам о себе думаю, а у твоей племянницы как с самооценкой, не занижена?

– С этой, как ее, с оценкой у нее все путем. Тут в другом дело. Ты вот только работу потерял, не больше, так?

– Ну да. Через месяц другую нашел, не хуже.

– Вот о том и речь. А она может профессию потерять. Да я сейчас расскажу, сам убедись. Татьяна окончила архитектурный и работает в довольно известном дизайнерском бюро «ПЛ». Ей всего двадцать пять, но себя уже хорошо зарекомендовала. Собственно, ее рассмотрели и в «ПЛ» пригласили, еще когда училась, уже тогда видно было, что девочка талантливая.

Понимаете, мужики, она мне как дочь, своих-то занять не сподобился, работа наша, сами знаете, мало времени на личную жизнь оставляет. А у сестры жизнь не сложилась, одна дочь поднимала, так что я помогал, как мог. И обучение в архитектурном оплачивал, у них

таких денег нет. Танюшку я очень люблю и за обучение платил бы по-любому, но, согласитесь, приятнее, когда понимаешь, что не зря платил.

Короче, проработала моя Танечка в этом бюро чуть больше двух лет и была так довольна, что все уши мне прожужжала, как там здорово да какой коллектив славный. Много мне о своей работе рассказывала, поэтому я хорошо диспозицию представляю. Хозяев там двое, по первым буквам их имен и название. Директор – Петр Викентьевич, скорее администратор. Он, правда, тоже соответствующее образование имеет, но, видимо, вовремя понял, что таланта недостает, зато открыл в себе управленческую жилку. Оно и правильно, творить не всем дано, а хороший управляющий всяко лучше посредственного дизайнера.

Татьяна об этом Петре Викентьевиче до последнего времени неплохо отзывалась: мягкий, интеллигентный, но в то же время умеет настоять на своем, может процесс организовать, а самое главное, хоть сам дизайнерскими талантами не блещет, но способен чужую работу понять и оценить. В общем, почти идеальный руководитель творческого коллектива. А главный дизайнер и по совместительству компаньон Петра некая Лаура Гессен, дама довольно известная в тех кругах. Вот с ней у Танюшки конфликт и вышел.

Вообще-то никакая она не Лаура, а самая настоящая Маша Морковкина, родом из какой-то глухой дыры, в детстве коров пасла. У нее и сложение крестьянское: крупная, ширококостная, дородная. В молодости выскочила замуж за иностранца, потом развелась, оставив себе его фамилию, а под фамилию и имя поменяла. Но дизайнер она, говорят, знаменитый, всякими призами и званиями отмечена. Сейчас Лауре далеко за сорок, но выглядит моложе. Она еще и в архитектурном преподает, пару раз в неделю лекции читает, не для денег или карьеры, а для статусности. Выходит, Таня в какой-то степени ее ученица.

Когда Танюша в «ПЛ» пришла, она Лауру побаивалась, потому что та слыла дамой строгой. С подчиненными держалась надменно, заносчиво, смотрела поверх голов, что при ее росте не сложно, за любой пустяк могла осадить на грани оскорбления. Но неожиданно для всех стала она Танюшку привечать. Была на удивление ласкова, помогала, делилась профессиональными секретами, так что племяшка на нее чуть ли не молилась. Я ей говорил, держи, мол, ухо остро. Ну, не бывает так, чтобы всем хамила, а с тобой одной ласковая. Значит, надо ей от тебя что-то, и рано или поздно счет предъявит. А она, дурочка молодая, не верила, отмахивалась: «Да ладно тебе, дядя. Ты на своей работе очерствел, везде подвох видишь, а Лаура добрая, просто не ко всем. Но талант уважает». А ведь я как в воду глядел!

Ну, а теперь о самом деле речь пойдет. Некоторое время назад Администрация президента объявила конкурс на проект зимнего сада в загородной резиденции, предназначенной для неофициальных приемов высокопоставленных зарубежных гостей. Проект вроде небольшой, но, сами понимаете, важный: победа особенно престижна, ведь дизайнер, имеющий на руках такой контракт, мог бы смело открывать ногами дверь в любое дизайнерское бюро, везде взяли бы сразу и на его условиях. А потому желающих участвовать набралось много. Но, по условиям конкурса, каждое дизайнерское бюро могло представить только одну работу, поэтому практически все проводили свои внутренние конкурсы.

Лаура сразу объявила, что скорее всего участвовать не будет, а после нее самой перспективной считалась моя Таня. Она старалась, прямо горела, работала буквально днем и ночью. Готовые работы надо было сдать одиннадцатого (ага, подумал я, мы с Иваном Макаровичем в тот день плотно делом Осипенко занимались), а к двадцать пятому лучшую работу нужно уже от имени бюро предъявить президентской комиссии.

Свои проекты сотрудники «ПЛ» сдавали Петру Викентьевичу анонимно, под девизами, чтобы, значит, объективность соблюсти. Набралось пять работ, но уже на следующий день случился скандал: две из пяти совпадали вплоть до мельчайших деталей. Вскрыли конверты с расшифровками девизов, тут и выяснилось, что их авторами значатся Лаура и Татьяна.

Петр натурально остолбенел. Он поначалу не очень беспокоился, думал, рядовые сотрудники столкнулись, а тут такой пассаж.

Сразу поясню, я так подробно знаю, что и как происходило, потому что работы Петр Викентьевич разбирал не один, а вдвоем со своей секретаршей, а та с Танюшкой дружит. Когда случился этот конфуз, Петр решил до принятия окончательного решения все держать в секрете, поэтому лишних людей не привлекал. Поступил он так же, как, наверное, и я бы поступил на его месте: опросил обеих дам по отдельности. Ну, а секретарша при опросах присутствовала, стенографировала и после мне все подробно рассказала. По Таниной просьбе.

Татьяна подвоха не подозревала. Когда Петр сообщил ей, что Лаура предъявила от своего имени точно такой же проект, как и ее собственный, Таня чуть в обморок не хлопнулась. Но собралась и стала доказывать, что все это придумала сама, от начала до конца, ничьими идеями не пользовалась, но с Лаурой, естественно, в процессе работы часто общалась, наработки показывала. Лауру она всегда считала своим учителем, а какой же ученик не хочет получить одобрение учителя? Кроме того, Лаура сказала, что участвовать не будет, вот она ничего и не скрывала. И теперь просто поверить не в силах, что ее обожаемая наставница оказалась такой стервой.

– А Лаура, естественно, рассказала то же самое, только наоборот, – заговорил наконец Иван Макарович, и слава богу, а то я было подумал, что он уснул. – Участвовать она собиралась с самого начала, но сказала, что не будет, чтобы авторитетом на остальных не давить. Процесс шел споро, стал вырисовываться интересный проект. Конечно, Лаура, добрая, бесхитростная душа, делилась с ученицей в процессе работы, потому что верила ей, как себе, и просто поражена человеческой непорядочностью.

– Ну да, так все и получилось. И еще Лаура добавила, что всего-то хотела проверить на Татьяне свои оригинальные идеи, а та взяла, да и украла. И как теперь верить людям, если даже любимой ученице доверять нельзя. А как ты догадался, профессор?

– Это было не сложно, если следовать естественной логике твоего рассказа. Кроме того, я не столько догадался, сколько вспомнил. Читал когда-то. Этот случай – один в один «Зеркальное отображение»¹.

– А-а, помню. Похоже, только в жизни тебе посложнее придется, чем литературному сыщику Бэйли, если согласишься помочь. Здесь, видишь ли, не будет роботов, которым можно устроить короткое замыкание и тем самым объяснить все, что угодно.

– Я и не говорю, что просто. Было бы просто, ты бы и сам справился. Ну, давай, не тяни, что там дальше?

– А дальше так. Петр Викентьевич подумал и попросил Татьяну попытаться доказать, что именно она автор проекта. Но так доказать, чтобы ни у кого сомнений не возникло бы. Естественно, она не сумела. Записей своих бесед она не делала (а кто бы делал?), а что говорила, Лаура немедленно повторяла то же самое, но в зеркальном отображении. Короче, свой, как его, приоритет, она доказать не смогла. И тогда Татьяне предложили уволиться по собственному желанию, пообещав в этом случае сохранить в тайне ее «грехопадение». Срок – до пятнадцатого. Представляете, ее просто назначили виновной!

И я не знаю, что теперь делать, потому и пришел к вам за советом. Можно, конечно, и уйти по-тихому, как Юрич посоветовал, но, боюсь, не поможет. О случившемся уже несколько человек знает, значит, слухи все равно так или иначе просочатся. Творческий коллектив, на мой взгляд, это банка с пауками, там такие страсти кипят, что Танюшке могут просто перекрыть дорогу в профессию. Надо, никуда не денешься, доказывать ее невиновность, а для меня,

---

¹ Имеется в виду гениальный рассказ Айзека Азимова, который можно смело поставить в один ряд с лучшими рассказами Агаты Кристи. А то и повыше.

кто бы что ни думал, это аксиома, это даже не обсуждается. Ты чего усмехаешься, профессор, не веришь?

– Да ладно, шеф, не кипятись. Конечно, наша Танечка ни в чем не виновата, разве что в излишней доверчивости, но это в ее возрасте извинительно. А усмехаюсь я потому, что лично мне доказательства не нужны, даже если бы я твою племянницу не знал. Тут все очевидно чисто психологически. Ты же читал Азимова, лучше, чем у него, не скажешь. Я готов допустить, что восторженная девушка хочет получить одобрение старшей коллеги, которую к тому же считает своей наставницей. Но я никогда не поверю, что маститая корифейша может возжаждать признания сопливой пацанки, которую она никогда не поставит вровень с собой. Психологически недостоверно, особенно, если речь идет о Лауре, женщине надменной и заносчивой.

– Психология – штука полезная, но ты, профессор, слушал невнимательно. Я ж говорю, Петр Викентьевич, похоже, не сомневается, как там все на самом деле было, но ему удобнее сохранить хорошие отношения с Лаурой, даже если для этого приходится назначить крайней порядочную девочку. Так что логическими построениями его нипочем не проймешь.

– Действительно, Иван Макарович, психологический портрет не доказательство, во всяком случае, не прямое. Вот если бы мы не знали, кто вор, либо сомневались, тогда да, тогда такие рассуждения помогли бы нам определиться, но мы же не сомневаемся в невиновности Татьяны.

– Во, во, верно говоришь, Юрич. Нам надобно придумать что-то такое, чтобы ни у кого сомнений не осталось. Железное доказательство найти надо.

– Хорошо бы для начала разобраться, – вкрадчиво произнес Иван Макарович, – с чего Лаура вдруг плагиатором заделалась? Признанный корифей, заслуженный человек и вдруг ворует у молодой девчонки. С чего бы?

– Да бог ее знает, – пожал могучими плечами шеф, – что ей в голову вступило? Сам-то я не очень разбираюсь, может, Танюшкин проект такой красивый, что не удержалась, да и какая нам разница?

– Не скажи, шеф, не скажи. Когда пытаешься изобличить преступника, полезно для начала в его побудительных мотивах разобраться...

– Тоже мне, бином Ньютона. – «Побудительные мотивы» Лауры были мне настолько очевидны, что я диву давался, как это коллеги могут чего-то не понимать. – Творческий процесс – штука тонкая, непознанная и, что хуже всего, непостоянная. Если даже человек талантлив с рождения, это вовсе не значит, что таким и помрет. Во всяком случае, у нас, у писателей, не раз бывало, когда признанный классик начинал вдруг выдавать низкопробные поделки. В таких случаях говорят: исписался. Достоверно известно, например, что Джек Лондон покончил с собой в разгар творческого кризиса. Так, может, и Лаура того, исписалась?

– А что, – одобрительно кивнул профессор, – очень может быть. Реноме надо поддерживать, но новых идей нет, а тут молодая коллега делает приличную работу. Если она особа надменная, заносчивая, могла подумать, что у молоденькой девчушки ни силенок, ни характера не хватит с ней тягаться. Тогда тем более надо Лауру разоблачить, чем мы, в первую очередь, ей самой важную услугу окажем.

– Не понял?

– А чего непонятного, шеф? Коль начала воровать, уже не остановится, особенно, если первый раз с рук сойдет. Сейчас конфликт можно погасить тихо, келейно, а случись публичный скандал, упадет Лаура со своего пьедестала, так что костей не соберет, никакие былые заслуги не спасут.

– Знаешь, профессор, честно говоря, репутация этой стервы заботит меня меньше всего, хотя согласен, лучше бы по-тихому разобраться, от любого скандала запашок остается. Ну, друзья, какие предложения?

– Давайте-ка вначале определимся. Нам надо доказать невиновность Татьяны, причем найти такое доказательство, чтобы оно было принято, прежде всего, ее начальником независимо от его желания или нежелания. Полагаю, в Бюро мы таких доказательств не отыщем, сомнительно, что вдруг обнаружится запись, на которой Лаура лихорадочно перечерчивает Татьянин проект...

– Нет там у них камер, – буркнул шеф, – если бы надежные доказательства были, я бы к вам не обратился. Да и чертить не нужно, XXI век на дворе, все в электронном виде, распечатать, скопировать – минутное дело.

– Значит, нужно каким-то образом зеркальность нарушить.

– Это как?

– Ситуация выглядит зеркальной, но асимметрия имеется: одна из сторон конфликта все-таки автор, вторая – только подражатель.

– И что это нам дает?

– Татьяна проект придумала, значит, хорошо представляет его во всех мельчайших подробностях. Она поделилась с Лаурой, та идею ухватила, поняла, что получается здорово, и решила украсть. А что, если она изучила не все Татьянины задумки? Тогда мы сможем найти нечто такое, что дамы будут трактовать по-разному. Поэтому для начала надо бы с потерпевшей поговорить.

– С Танюшкой? Нет проблем, она в моем кабинете, сейчас приведу.

Шеф вышел, но вскоре вернулся, подталкивая перед собой миниатюрную заплаканную девушку, чья фигурка статуэтки настолько разительно контрастировала с крупными формами шефа, что принять их за близких родственников было трудно. Теперь причина конфликта стала понятней. Будь Татьяна скандальной, горластой бой-бабой, Лаура могла и не решиться на кражу, но миниатюрная девушка, явно не привыкшая работать локтями, не показалась ей опасной.

Продолжая всхлипывать, промокая глаза платочком, Татьяна молча уселась на подставленный дядей стул. Мое сердце буквально разрывалось от жалости и желания немедленно помочь, утешить. А вот Иван Макарович хмурился, поглядывал на гостью неодобрительно. Наконец он хлопнул ладонью по столу и рявкнул: «А ну, отставить слякоть!» Девушка вздрогнула от неожиданности, но всхлипывать перестала.

– Ну вот, другое дело, – удовлетворенно сказал профессор, – слезами горю не поможешь, и если мы хотим восстановить справедливость, надо отбросить эмоции. Потому что без твоей помощи мы ничего не добьемся.

– Да я готова помочь, только не понимаю, чем? Не представляю, что тут можно сделать? Тупик же полны-ы-ый. А-а-а!

– Не реветь, я сказал! Тебе и не нужно понимать или представлять, достаточно того, что ты в своих дизайнерских вопросах разбираешься. Расскажи-ка, девица, для начала, как там все происходило. Твой дядя нам довольно подробно объяснил, но хотелось бы и непосредственного участника событий послушать.

В общем и целом, ничего нового мы не услышали. Татьяна постепенно успокоилась и довольно связно рассказала, как ей пришла в голову оригинальная идея, как постепенно рождался проект, как ей льстили похвалы суровой Лауры, живо интересовавшейся ходом работ. И какое она испытала потрясение, когда, будучи вызванной к директору, узнала, что ее обвиняют в воровстве. И кто? Лаура, которая так ее хвалила.

– А потом что?

– Потом Петр Викентьевич поговорил с нами, и я рассказала все, как есть, проект представила, объяснила, как и что.

– Подробно расспрашивал, детально? Я имею в виду проект.

– Нет, в общих чертах, в смысле, без мелких подробностей. Он хоть сам и не дизайнер, но человек опытный, по описанию вполне может представить, как все будет выглядеть. А там не только описание, но и рисунки. Потом секретарша Петра Викентьевича (она при беседах присутствовала, протокол вела) мне рассказала по секрету, что Лаура держалась уверенно, если не сказать, нагло. Мол, я сама все придумала, Танька поинтересовалась, ну, я показала, чтобы девчонка поучилась у мастера.

– И никаких отличий в показаниях?

– Нет, откуда? Лаура действительно мастер своего дела. Она сразу, как я ее со своей идеей ознакомила, уже могла нечто похожее изобразить. А я ведь и по ходу работ почти ничего не скрывала, да и в компьютере все материалы есть, так что скопировать ей было не сложно. А в результате – два одинаковых проекта, до последней буковки одинаковых.

– А вот скажи-ка... Когда ты показания своему начальнику давала, как тебе показалось, он искренне хотел разобраться или так, формально номер отработывал?

Татьяна немного подумала, прежде чем ответить. А ее ответ доказал, что при своей кукольной внешности девушка отнюдь не глупа и не утратила от горя способности рассуждать здраво.

– Понимаете, Иван Макарович, наш Петя (мы все директора за глаза так называем) всегда вел себя порядочно, считался человеком честным. И у меня была полная уверенность, что он действительно хочет разобраться, что ему важно понять, как все было на самом деле. Но потом я подумала, что понять он хочет как бы для себя, а не для того, чтобы что-то решать. Потому что, как мне кажется, решение он принял сразу.

Ему и удобнее, и выгоднее, чтобы с Лаурой ничего не случилось. И для Пети неважно, воровка она или нет, все равно вердикт будет в ее пользу, ведь их многое связывает. Прикиньте, они же не просто партнеры, но еще и нужны друг другу. Петя не дизайнер, сам ничего создать не может, зато может Лаура. Она человек с именем, которое привлекает клиентов, характер жесткий – умеет заставить людей работать. А Петя – отличный финансист и управленец, да и переговорщик от бога, с клиентами только он разговаривает, Лаура для этого слишком надменна.

Наши-то клиенты тоже не простые люди, услуги дизайнера стоят дорого, не всем по карману. Такие не любят, чтобы нанятые работники носы задирали. Лаура это понимает, но ничего с собой сделать не может, даже мне как-то сказала: «Не могу я перед всяким богатым быдлом прогибаться». Зато Петя может. И подольстится, когда надо, и надавит в нужный момент, и объяснит, что наш проект хипповый, а у конкурентов отстойный.

Петр Викентьевич защищает свои интересы и для этого назначил меня виновной. Ему, конечно, интересно, виновна ли я на самом деле, но чисто риторически. Я оттого и расплакалась, что поняла: ничего уже не изменить. Нужно надежное доказательство, например, признание Лауры, но она никогда не признается, а косвенные соображения Петя в расчет не примет, своего решения не изменит. Так что зря вы время теряете. Спасибо за участие и все такое, но лучше разойдемся и...

– А мы еще поглядим, изменит или нет. И разойтись всегда успеем. На пресловутый проект глянуть можно?

– Пожалуйста, он на флешке. Только, боюсь, вы не поймете, вы же не дизайнер.

– А ты пояснишь, если что не уловлю.

Иван Макарович развернул к Татьяне свой ноутбук. Она загрузила программу, и вскоре мы любовались ее проектом. В молодости мне приходилось много чертить, все-таки технический вуз окончил, поэтому я довольно быстро разобрался в картинке, но вот понять, как бы это выглядело в реале и насколько проект хорош (или, напротив, плох), был не в состоянии. Центральное место в композиции одного из периферийных участков занимала горка, как я разобрал, подобие искусственного водопада. Ложе, по которому стекает вода, оказалось покрытым

округлыми чешуйками вроде мелкой гальки. А прямо под ложем располагалось нечто, напоминающее нагревательный элемент. Это еще зачем? Чтобы воду греть?

Пока я любовался картинками, пытаюсь представить себе, как бы это могло выглядеть, будучи воплощенным в камне, профессор времени даром не терял. Не будучи ни инженером, ни дизайнером, он на рисунках особо не заикливался, только окинул их беглым взглядом, зато внимательно прочитал поясняющий текст и теперь задавал вопросы. Ткнув пальцем в горку-водопад, Иван Макарович поинтересовался:

– Здесь написано, что эта штука облицована «стеклянными камешками». Это что за камешки такие? Бисер, что ли?

– Нет, – смутилась Татьяна, – не бисер. Я не знаю, как их правильно назвать, камешки и камешки, только из стекла. Их на юге только так и называли.

– Простите, – вмешался я, уловив нечто знакомое из детства, – не имеете ли вы в виду осколки обычных бутылок, обточенные морем?

– Ну да, – оживилась девушка, – никогда не думала, что море может так обточить острый осколок, что он станет гладким и приятным на ощупь.

– Море и не то может. А вот вы, Танечка, меня удивили: никак не ожидал, что современная молодежь про стеклянные камешки знает. По-моему, их уже и не осталось.

– Я и не знала. Просто как-то взялась разбирать кладовку, там за годы много разного барахла скопилось, и наткнулась на довольно приличный пакет, набитый странными тусклыми камешками. Хотела выбросить, да удержалась, уж больно славные, гладенькие такие, округлые, хотя и невзрачные на вид. А потом мама мне рассказала, что, когда она в детстве с родителями в Крыму отдыхала, там такие камешки часто встречались, и они с друзьями соревновались, кто больше соберет. Вот она и насобирала за несколько лет целый пакет.

– Точно! – воскликнул шеф. – Сеструха рылась в гальке, как одержимая, такие ямы откапывала, что твой экскаватор. Я-то всякой ерундой не занимался, все больше с пацанами за крабами нырял.

– А вы, Сергей Юрьевич, видели такие камешки когда-нибудь?

– Знаете, Татьяна, не только видел, но, не стыжусь признаться, тоже их собирать любил. В мое время стеклянные камешки² действительно часто встречались, видимо, потому, что пластиковая тара тогда еще была не в ходу.

– Наверное. Меня особенно поразило, как они меняются: сухие – серые, невзрачные, как настоящие камни, но стоит намочить, начинают сиять всеми цветами радуги. Стала я думать, куда их приспособить, ничего толкового придумать не могла. А потом вдруг осенило: решила в своем проекте использовать. Я понимаю, конечно, материал разовый, на поток не поставишь, ну, так и проект разовый. Зато ни у кого другого такого не будет.

– Ага, понятно. А нагреватель здесь для контраста?

– Точно. А вы молодец, Иван Макарович, догадались. Я решила на контрасте сыграть. Естественным порядком камешки долго сохнут, а нагреватель их за пять минут высушит. Представляете, как здорово получится? Приведет президент гостей в зимний сад, красота: растения, декоративные элементы с подсветкой, в том числе и горка-водопад. Включили воду, горка заискрилась, заиграла разноцветными искрами, выключили – снова серая, тусклая, невзрачная. Никто не догадается, как это устроено.

– А Лаура об этом знает?

– Нет, конкретно в деталях, как сейчас, я ей рассказать не успела. Это же не главная часть проекта. Оригинальная, конечно, деталь, но не главная. Мне эта идея в последний момент

---

² Такие камешки (точнее, стеклянная галька) действительно в свое время встречались на Черноморском побережье в изобилии. Они образовывались из обломков бутылок, обточенных морем о камни. Поскольку бутылки в советское время выпускались в основном прозрачные, голубоватые, зеленые и коричневые, камешки любых других цветов попадались редко и ценились у детей высоко.

в голову пришла, проект уже сдавать надо было, поэтому и описание я сделала краткое, без детализации. Подумала, что Петру на словах объясню, а потом доработаю. А на следующий день скандал. Видимо, Лаура сразу же, как я домой ушла, проект скопировала. Но там все равно прописано и про «стеклянные камешки», и про нагреватель, так что, думаю, Лаура поняла, что к чему, даже без пояснений, она же опытный дизайнер.

– Это не факт. Я вот не понял, поскольку в детстве на море не бывал. В любом случае, это зацепка, шанс, который надо бы попытаться использовать. Ладно, ты иди пока, а мы тут подумаем.

Обсуждение продлилось недолго, время поджимало. Мы сошлись на том, что, если Лаура не сможет объяснить назначение нагревателя, это будет лучшим доказательством Татьянинного приоритета. Только как добиться ее согласия давать объяснения? Ясно же, что желания поспособствовать торжеству справедливости мы в «ПЛ» не встретим. Значит, нужно вынудить согласиться, как-то заставить.

В конце концов, мы выработали план дальнейших действий. Решили, что беседовать с Петром Викентьевичем будем мы с Иваном Макаровичем. Шеф хотел было сам, но согласился с логикой профессора. Как я уже говорил, он мужик крупный и с виду грубый, можно даже сказать, устрашающий, а это в нашей ситуации не годится. Напугать интеллигентного Петра Викентьевича, конечно, сможет, но тут требовалось не напугать, а убедить. А если уж пугать, то не мускулами, а той же логикой, без крика.

Еще немного времени мы потратили на то, чтобы просмотреть материалы, имеющиеся в Интернете: всегда полезно составить объективное впечатление о том, с кем собираешься контактировать. Татьяна не преувеличила, бюро «ПЛ» действительно оказалось известным, среди его клиентов числилось немало крупных компаний, глядя на список которых, профессор удовлетворенно похмыкал. Отыскали мы и портрет Лауры Гессен. Она и в самом деле считалась крупной фигурой в дизайнерском деле. В целом мне она не понравилась. Черты лица довольно правильные, но взгляд надменный, да и лицо несколько длинновато на мой вкус. Такое называют лошадиным.

Наконец Иван Макарович объявил, что можно ехать. Сказано – сделано. Не откладывая в долгий ящик, мы вчетвером загрузились в машину шефа и отправились в «ПЛ». Предварительно Татьяна позвонила своей приятельнице, секретарше Петра Викентьевича, дабы убедиться, что он на месте и никуда не собирается. Доехав, мы оставили шефа с племянницей в машине, а сами прошли внутрь, гадая, согласится ли Петр Викентьевич нас принять, и насколько быстро. Сошлись на том, что согласится из чистого любопытства, чтобы понять, что нам известно и можем ли мы как-то им с Лаурой повредить.

Так и получилось, мы и пяти минут не ждали. Директор оказался приятным мужчиной интеллигентного вида с кротким взором, по которому, однако, никаких скоропалительных выводов делать не стоило. Встречались мне по жизни деятели, за мягким обхождением и миролюбивым видом которых таилась просто-таки акуля хватка. А Петр Викентьевич, судя по тому, что уже не первый год с успехом занимался довольно сложным бизнесом, мальчиком для битья не был. С уверенностью можно было сказать только одно: подобные типажи все же скорее предпочтут договориться (не забывая, конечно, о собственных интересах), нежели воевать.

Войдя, мы представились, хозяин кабинета предложил присесть и поинтересовался, чем может быть полезен. Иван Макарович пояснил, что мы представляем интересы его сотрудницы Татьяны (или лучше сказать, бывшей сотрудницы?). На лице Петра Викентьевича отразилась сложная гамма чувств: досада, сожаление, участие. Превалировала все же досада, видимо, он надеялся завершить конфликт тихо, без огласки, что немедленно и подтвердил.

– Увы, молодые люди нетерпеливы, а оттого часто совершают поступки, о которых впоследствии жалеют. Уж казалось бы, я и навстречу ей пошел, и огласки не допустил, что далеко не каждый руководитель сделал бы в подобной ситуации. А она? Черной неблагодарностью

отплатила, в детективное агентство побежала. Нет, нет, не подумайте, вас я не осуждаю, вы делаете свою работу, но, учтите, огласка в первую очередь самой Танечке повредит.

– А вы, значит, за ее репутацию беспокоитесь?

– Конечно, я же ее на работу взял, значит, ответственность на мне, да и девочка она хорошая и не без способностей, со временем могла бы вырасти в толкового дизайнера. Ну, оступилась по молодости, не она первая, так можно было все замять, а она...

– ...в детективное агентство кинулась. Ну, а к кому же ей обращаться за помощью, как не к родному дяде?

– Татьяна ваша племянница? – Петр Викентьевич заметно смутился, даже не обратив внимания на то, что Иван Макарович перебил его довольно невежливо.

– Нет, она племянница нашего шефа, и он порывался навестить вас самолично. Но шеф – мужик простой и грубый, я счел, что его визит вам удовольствия не доставит. А я все же доктор наук, профессор, то есть по социальному статусу к вам ближе.

– И чего же вы хотите? Или, скажем так, чего ждете от нашей встречи?

– Истины.

– Сказано громко, но бесполезно, ибо абсолютная истина недостижима в принципе. А в данном случае как вы ее установите, эту истину, если ситуация абсолютно симметрична? Слово Лауры против слова Татьяны, а доказательств нет. Получается вопрос веры, не более того. Вы верите одной, я – другой.

– Насчет симметричности вы не совсем правы, уважаемый Петр Викентьевич.

– Простите, что вы имеете в виду? Я же с обеими дамами беседовал, так поверьте, их показания совпадают, как под копирку написанные. А не верите, могу протоколы показать, хотя и не обязан.

– Не нужно, я вам верю, и все же полной симметрии нет и быть не может. Дело в том, что одна дама автор, а другая – воровка. Значит, только одна из них знает проект досконально, во всех, даже самых мелких деталях. Опросив их подробно, мы неизбежно выявим расхождения.

– Я понял, чего вы добиваетесь, – заметно помрачнел Петр Викентьевич. – Ничего у вас нет, вы блефуете, чтобы получить мое разрешение на расследование. Будете тут ходить, совать носы во все щели, будоражить сотрудников. А это огласка, которой я не хочу и допускать не намерен. Вы верите своей протее, это ваше право, но для меня лично вопрос закрыт. Ни я, ни мои сотрудники не обязаны с вами беседовать, поэтому прошу вас обоих удалиться.

– Уверены?

– Уверен. Сами дорогу найдете или охрану вызвать?

– Ну, зачем? Мы удаляемся с чистой совестью, поскольку добились того, чего хотели.

– А разве вы чего-то добились?

– Конечно. Всегда надо попытаться договориться, прежде чем начинать войну. Да, да, войну, а что вас так удивляет? В данной ситуации, очень непростой, надо откровенно признать, возможны только два варианта: либо вы искренне хотите найти виновную, либо вам удобнее сохранить хорошие отношения с партнершей, независимо от того, виновна она или нет. В первом случае лучше договориться, но ваша реакция показывает, что вы выбрали второй. Тут, конечно, уговоры бесполезны, мы уходим, как я уже сказал, с чистой совестью, ибо честно пытались решить проблему тихо, мирно. Не хотите, как хотите. Как говаривал князь Святослав Игоревич, «иду на вы».

Я внимательно наблюдал за Петром Викентьевичем и ясно видел, что он не испугался. Досадовал, конечно, что Татьяна не смирилась, но не испугался. Возможно, потому, что мы не выглядели устрашающе, не казались ему опасными. Два полноватых, не слишком молодых мужичка, явные интеллигенты, чего плохого от них ждать? Ничего.

– Вы что же, штурмовать бюро станете, – криво усмехнулся директор «ПЛ», – или, может, маски-шоу устроите?

– Зачем же так примитивно, хотя и это могу. Я ведь не только профессор, но и полковник в отставке. Полжизни преподаю, представляете, сколько у меня учеников? Среди них кого только нет, многие довольно высокие посты занимают, причем не только в полиции. Маскишоу, безусловно, прием эффектный, но грубый, можно тоньше. Вот, например, знаком вам этот господин?

И с видом игрока, открывающего флеш-ройял³, профессор положил на стол визитную карточку. Петр Викентьевич осторожно наклонился вперед и проговорил:

– Да, мне эта фамилия знакома. И что?

– Этот человек – начальник службы безопасности крупного холдинга. А знаете вы его потому, что холдинг этот – ваш основной клиент. Так вот, позвоните ему прямо сейчас и спросите, послушает ли он меня, если я посоветую ему не иметь с вашим бюро никаких дел? Просто потому, что вы ненадежны.

– Клевета, мы надежны, у вас нет никаких доказательств, что это не так.

– А мой друг – не судья и не прокурор, ему доказательства не нужны, достаточно моего слова. Да вы не спорьте, а позвоните, проверьте. Не хотите? Значит, верите и правильно делаете! Этот холдинг – основной ваш клиент, но и среди других, помельче, по крайней мере, половина моих учеников трудятся, а я никого из них не забываю, со всеми отношения поддерживаю. Перспективу улавливаете?

Вот теперь Петю проняло, теперь он забеспокоился всерьез. Шмонов он отчего-то не боялся, может, действительно был чист перед законом, а вот перспективы остаться без клиентов испугался, сильно испугался.

– Но это же грязные методы! – завопил он, разом теряя налет интеллигентности.

– Уж чья бы корова, как говорится, мычала. Вы назначаете воровкой чистую, наивную девочку только для того, чтобы ваша кобылица могла получить еще одну толику славы, будто ей уже имеющейся не хватает, и еще смеете осуждать кого-то за грязные методы? Это отвратительно, следовательно, мы избавлены от каких бы то ни было моральных ограничений. С игроками будем играть по их же правилам!

– Я никого никем не назначал. Просто невозможно четко определить, кто прав.

– Ерунда! Я же вам сказал, выяснить, кто на самом деле автор проекта, можно, проверив, как дамы ориентируются в мелких деталях. Но я не успел доложить, что, по крайней мере, одну такую деталь мы определили, и теперь я с большой степенью вероятности могу утверждать, что истину установим обязательно. Мы затеем большой скандал. Проект с конкурса, скорее всего, снимут, в Администрации президента скандалов не любят, но шум будет большой. Конкурентов у вас немало, они непременно ухватятся за возможность вам навредить. А Татьяна будет во всех интервью утверждать, что в любой момент готова доказать свое авторство в открытом диспуте с Лаурой.

– Хорошо. Чего вы хотите?

– Я предлагаю разобраться и дело закрыть. Здесь и сейчас. Насколько знаю, пока всего четыре человека в курсе происшедшего, этим кругом и ограничимся. Я на стороне Татьяны, но стараюсь сохранять объективность. Существует вероятность, пусть и мизерная, что она нас обманула, вот и проверим. Мы вызовем обеих дам и по очереди опросим. Мягко, деликатно опросим. Много времени это не займет, я задам каждой всего по паре вопросов, и нам все станет ясно.

Если и после этого вы, глядя мне в глаза, будете утверждать, что автор проекта Лаура, мы тихо уйдем. Зато, если вы сами убедитесь, что она воровка, ее репутация не пострадает. Знаете, признаюсь вам честно, я Лауру не одобряю, но понимаю. Она человек заслуженный, знаменитый дизайнер, имя, репутация гуру от дизайна, но талант – штука тонкая. Пропало

---

³ Флеш-ройял – максимальная комбинация в покере: десятка, валет, дама, король, туз одной масти.

вдохновение, ничего толкового не придумывается, а тут девчонка сопливая создает такой проект, что пальчики оближешь, вот и не удержалась, выдала чужую работу за свою. Выйди вся эта история наружу, Лауре конец, на былые заслуги не посмотрят, затопчут, тем более она совсем не любимица сообщества дизайнеров, характер у нее сложный, вам ли не знать? Так что мы с коллегой фактически спасаем репутацию вашей подруги.

– Будь по-вашему, – сдался Петр Викентьевич, – зовите ваше молодое дарование.

– Нет, нет, начнем лучше с Лауры.

Петя вздохнул, поднялся и вышел из кабинета. Отсутствовал он не долго и вернулся не один, пропустив вперед крупную женщину с надменным выражением на длинном лице. Это и была та самая Лаура Гессен. Как ее Петр Викентьевич уговорил, чем убедил, не знаю, но, думаю, приняв угрозы Ивана Макаровича всерьез, он сумел и компаньоншу успокоить.

Лаура огласки допускать не желала, с другой стороны, очень ей хотелось выйти в победительницы или хотя бы в финалисты предстоящего конкурса. А потому и повелась на «морковку» хитрого профессора. Иван Макарович лукаво намекнул, что теоретически допускает возможность обмана со стороны Татьяны. Вот Лаура и решила, что сможет переиграть старика. Она, поди, и мысли не допускала, что не сумеет разобраться в работе молодой девушки, была убеждена на все сто, что сможет представить чужую работу без сучка и задоринки, будто сама все рисовала. А потому вошла в кабинет, излучая непоколебимую уверенность.

Дама действительно выглядела внушительно и держалась словно титулованная особа. Но только на первый взгляд. А при более внимательном рассмотрении сразу замечались и крупные кисти рук, с крепкими, мужицкими запястьями, и широкие ступни, и мясистые щиколотки, на которых сухожилия не выделялись. Да и манера держаться подводила: Лаура вела себя не как природная аристократка, а как пейзажистка, живого аристократа никогда не видевшая и изучавшая манеры аристократии по примитивным лубкам.

– Ну, – решила она сразу взять быка за рога, – что вы хотели у меня узнать? Или думаете, я в собственной работе не ориентируюсь?

– В собственной должны, несомненно. О том и речь. А потому, скажите, уважаемая, что тут у вас за стеклянные камешки?

– Гос-споди! – вздохнула мадам Гессен. – Как же унижительно отвечать на глупые вопросы дилетанта!

– Ну, ну, мадам, не будьте так суровы. Мы не дизайнеры, это правда, но у нас с Сергеем Юрьевичем по три высших за плечами, я – профессор, он – писатель, и оба известны в своих кругах не меньше, чем вы в своем. Может, мы и дилетанты, но уж глупостей точно не говорим. Так что там с камешками-то?

– Это что-то вроде бисера, стилизованного под гальку.

– А зачем? Насколько я знаю, обычно в таких горках используют настоящие камни, ту же гальку, щебень. Зачем стекло понадобилось?

– Я художник, я так вижу, – надменно изрекла Лаура.

– Извините, мадам, это не ответ.

– Какой ответ вам еще нужен, если вы сами ответили на свой вопрос? Вот именно, что обычно все используют камни. Но я не все, я Лаура Гессен, мне ширпотреб проектировать не к лицу. Поэтому стекло, так еще никто не делал.

– Отлично! Вот это нормальный, логичный ответ, это я понимаю. Но вот зачем тут нагреватель, никак не пойму.

– Это для того, чтобы вода, по желанию хозяина, становилась теплой.

– Спасибо. Это все.

– Все???

– Ну да. Я узнал то, что хотел узнать. Послушаем теперь, что скажет Татьяна.

Иван Макарович позвонил шефу, попросил привести племянницу. Я боялся, что в ожидании звонка она перенервничала и не сможет точно и уверенно отвечать на вопросы. Да и присутствие Лауры могло ее сбить. Но профессор, видно, подумал о том же, поэтому вежливо, но твердо попросил Лауру подождать в приемной, а то «несимметрично получится». Лаура, уловив кивок Петра Викентьевича, спорить не стала, нехотя поднялась и выплыла из кабинета, а вскоре и Танюша появилась в сопровождении дяди.

Иван Макарович задал ей те же вопросы, что и Лауре, но как же разительно отличались ответы! Танюшка раскраснелась, говорила горячо, убежденно, красиво. И любому, даже не знающему предыстории, сразу же становилось ясно, кто тут истинный творец. Ну, а Петр Викентьевич далеко не любой. Он сразу понял всю красоту замысла, отчего пришел в состояние, которого я раньше никогда не видел: сияющие от восторга глаза на мрачном лице человека, убитого горем. Как посредственный дизайнер Петр восхищался талантливым проектом, а как директор «ПЛ» скорбел, что его компаньонша оказалась примитивным плагиатором.

Впрочем, я был уверен, что в глубине души «честный» Петя давно подозревал Лауру, иначе с чего бы он так противился нашим мирным инициативам? Отсюда следует, что скорбел он исключительно оттого, что правду скрыть не удалось, а это симпатий к Петру Викентьевичу отнюдь не добавляло. Татьяна доклад закончила, Иван Макарович попросил ее вернуться в машину и немного подождать, а сам повернулся к хозяину кабинета и пристально уставился ему в глаза:

– Ну, что скажете?

Петр Викентьевич заерзал, как уж на сковородке. Подтверждать очевидное ему очень не хотелось, но и нагло врать, глядя Ивану Макаровичу в глаза, он не осмеливался. Попытался вильнуть взглядом в сторону, не смог.

– Глаз не отводить, – прошипел профессор, гипнотизируя несчастного директора (я его даже пожалел на секундочку), как удав кролика. – Говорите!

– Ну, гм, действительно, Танечка, как бы сказать, докладывала четче... Она как бы да, того, но и Лаура вроде бы изложила... Она того, но и Таня этого...

– Фу-у, батенька, что это вы? Образованный человек, интеллигент, а заговорили, как грузчик с неполным начальным образованием. Но я вас понял: Татьяна, безусловно, этого, ну, а Лаура, увы, того. Осталась сущая мелочь – восстановить статус-кво.

– Это, хм, как?

– Как всегда бывает в таких случаях. Воровка повинится, потерпевшая ее простит. Что вы дергаетесь? Не волнуйтесь, обязательно простит, обещаю.

– Чтобы Лаура?.. Да вы ее не знаете... Она никогда...

– А куда ей деваться? Это видели? – Профессор извлек из кармана мобильник. – Век технического прогресса, куда деваться? Мог ли я в начале службы представить, что такие устройства вообще появятся, а сейчас они общедоступны. Раньше, помнится, когда требовалось кого подслушать либо беседу записать, так, не поверите, тонну бумаги исписать нужно было, чтобы чудо-технику из спецфонда получить, а теперь? Теперь любой студент может свободно купить телефон со встроенным диктофоном.

– Так вы все записали?

– А как же! Или вы меня за недоумка держали? И не только дам записал, но и наш с вами разговор. Короче, мне недосуг, потому даю вам пятнадцать минут. Или я получаю письменное признание Лауры, или сегодня же эти интервью будут выложены в Сети с соответствующими пояснениями.

Не стану подробно описывать последующие события, муторно. Лаура вопила в своем кабинете так, что стены тряслись, но в конце концов позволила компаньону себя уговорить. Что бы там о ней ни думали, но дурой Лаура никогда не была. Когда на одной чаше весов недолгое унижение всего перед двумя незнакомцами, а на другой – унижение публичное, за

которым неизбежно последует крах карьеры и полное забвение, о чем думать? Из двух зол выбирают меньшее.

Справедливость восторжествовала, как, по идее, и должно быть, но, к сожалению, далеко не всегда бывает. В данном случае установить истину помогла сушая безделица, странный казус, продукт попыток природы защититься от безалаберности человека. Черноморские стекляшки подобны янтарю, который Балтийское море выносит на берег тоже в виде невзрачных тусклых камешков, но в отличие от янтаря не стоят ничего. Однако для нашей Танюши они оказались ценнее любого янтарного ожерелья, ибо помогли ей дважды.

Сначала она смогла доказать свое авторство. Смогла только потому, что решила использовать столь необычный, позабытый уже материал, иначе бы ей опытную Лауру не переиграть даже с помощью профессора. А месяц спустя Таня получила-таки свой приз. Ее проект был признан лучшим, вполне заслуженно на мой дилетантский взгляд, хотя на решение жюри, несомненно, повлияли ностальгические воспоминания председателя, тоже, как выяснилось, любившего в детстве собирать стеклянные камешки.

Глава вторая

Завязка, 22 октября, понедельник

Необычная клиентка, или О пользе цинизма

Конец октября в Москве – сезон непредсказуемый: порой бывает солнечным и сухим, но чаще, увы, – пасмурным и сырым. Вот и нынешняя осень выдалась плаксивой, а нынче с утра особенно пакостно. И не то чтобы холодно, но как-то промозгло, отчего на улицу выходить совсем не хотелось. Не хотелось, но надо, необходимо посетить родное издательство. А поскольку такие визиты, всегда планируемые как краткосрочные, обычно имеют тенденцию затягиваться, я заранее предупредил Ивана Макаровича, что могу задержаться, тем более никаких дел на сегодня не планировалось.

Однако так получилось, что после двенадцати я был уже свободен. Обычно так всегда и бывает: когда торопишься, минуты считаешь, как назло, накладку за накладкой, а если спешить некуда, как по заказу все складывается. Вот и нынче редактор оказался свободен, что бывает редко, да и вопросов у него ко мне не накопилось, что случается еще реже. И только я подумал, что надо бы позвонить профессору, узнать, нет ли каких указаний, как в кармане завибрировал телефон. Я не из тех, кто закачивает в «мобилу» популярные мелодии (звонить должен телефон, а музыку играть – проигрыватель), поэтому опознать абонента могу, только глянув на экран, но отчего-то сразу подумал об Иване Макаровиче.

Так и оказалось. Профессор вежливо осведомился, скоро ли я освобожусь, а узнав, что уже, кратко проинформировал: новая клиентка объявилась, записалась на три часа, так что надо подъехать. Конечно, обрадованно ответил я, скоро буду. А обрадовался потому, что, поучаствовав в паре расследований (под руководством Ивана Макаровича, разумеется, но вполне успешно, без ложной скромности говорю), я стал восприниматься в агентстве «Интеллект» не стажером, не писателем, собирающим материал, коим на самом деле и являюсь, а полноценным сотрудником.

В агентство я прибыл задолго до трех, совершенно продрогшим, так что с особым удовольствием вошел в теплый кабинет профессора, угнездился в уютном кресле и с наслаждением принял к чашечке горячего кофе, приготовленного заботливым секретарем Анечкой. Правда, вполне может статься, что придется снова выходить в эту хмарь, тем более о сути дела ничего толком пока не известно, но не всякое же дело начинается с немедленной беготни. Да и в самом худшем случае пара часов, а то и поболее, у меня точно есть. Дамочка наверняка опоздает, пока проблему изложит, пока профессор ее расспросит, все выяснит...

Однако клиентка не только не опоздала, но даже минут на десять раньше назначенного времени заявила, что показалось мне достойным удивления, особенно учитывая, что речь шла об относительно молодой женщине тридцати трех лет от роду. Мы с Иваном Макаровичем едва успели принять по чашечке кофейку да перекинуться парой слов, как секретарь доложила, что посетительница ждет в приемной. Хотя она и пришла раньше назначенного времени, мой друг не стал разыгрывать из себя человека, занятого решением глобальных проблем, и принял ее без проволочек.

Из предварительного опроса, который секретарша обычно делает при записи нового клиента, я знал, что даму зовут Эльзой Францевной Штерн, что она довольно молода, происходит из советских немцев, имеет двойное гражданство и последнее время постоянно проживает в Германии. А я, как писатель, имею привычку перед встречей с новым человеком попытаться представить его. Так вот в данном случае не угадал. Воображение услужливо нарисовало мне пышнотелую белокурую немочку с плакатов Октоберфестра, но вошедшая дама совершенно не походила на плакатный образ.

Высокая, худощавая шатенка. Не красавица, но и не урод, а как бы сказать... Никакая. Взгляд в толпе за такую не зацепится. Широкий мужской шаг, на лице ни грамма косметики. Прическа короткая, джинсы, свободный свитер, сапоги на низком каблуке, тоже, скорее, мужского кроя, да и размер ноги чуть ли не за сорок. Со спины ее вполне можно было бы принять за парня. Правда, вскоре я понял, что при желании дамочка могла бы выглядеть довольно привлекательно, только, похоже, желания такого у нее не возникало. Да еще и суровое выражение лица портило впечатление: глубокая складка между бровей, решительно сжатые в ниточку губы.

Войдя, посетительница остановилась в дверях и внимательно исследовала нас с профессором особым, по меткому определению интеллигентного слесаря Гоши из народного кинобестселлера, оценивающим взглядом незамужней женщины. Некоторое время она размышляла, переводя взгляд с Ивана Макаровича на меня и обратно, видимо, решала, подходим ли под ее задачи, вписываемся ли в условия? Похоже, подходили не очень, ибо на суровом лице Эльзы Францевны отразилось сомнение. Я уж подумал, не судьба нам сегодня обзавестись клиенткой, когда мадам определилась и, вернув лицу прежнее сурово-деловое выражение, решительно двинулась вперед.

Промаршировав к столу, Эльза Францевна поздоровалась, представилась и уселась, не дожидаясь приглашения. Впрочем, оно, без сомнения, последовало бы, Иван Макарович человек вежливый, он просто не успел, да и несколько опешил. Не привык старик, чтобы его так бесцеремонно разглядывали. Посетительница между тем извлекла из кармана пачку сигарет, решительно отказалась от угощения и, затянувшись, приступила к делу, чем еще раз меня удивила.

Я уже привык (и по рассказам профессора, и по личному опыту), что потенциальные клиенты долго раскачиваются. Особенно это касается женщин, хотя и мужчины порой при первом общении с частным детективом теряются или, говоря точнее, стесняются. Некоторые возражают против присутствия третьего лица, поскольку не так уж просто раскрывать душу, вплоть до самых потаенных уголков, перед посторонним человеком, тем более делать это не тет-а-тет, интимно, а как бы публично. Обычно Ивану Макаровичу приходилось клиента подталкивать, уговаривать, чуть ли не клещами слова вытягивать. Эльза Францевна оказалась редким исключением и, надо признать, изрядно шокировала не только меня, но и выдавшего виды профессора.

В частности, она никак не отреагировала на мое присутствие, в том смысле, что своего отношения не обозначила. Иван Макарович представил меня в качестве своего помощника, Эльза Францевна кивнула, обернувшись, и более внимания на меня не обращала, пока этого не требовалось по ходу беседы. То есть приняла ситуацию как данность: раз сидит человек в кабинете, значит, так надо, и говорить больше не о чем.

– Уважаемый Иван Макарович, дело у меня не совсем обычное, чрезвычайно важное и крайне срочное.

– Да ко мне отчего-то с неспешными и неважными делами не приходят, – пробормотал профессор, видимо, тоже сбитый с толку обликом и манерой поведения посетительницы.

– Понимаю, но в любом информационном массиве, даже при кажущейся одинаковости составляющих его элементов, всегда можно расставить рейтинги и приоритеты. Так вот, прошу отнестись к моему делу как к имеющему наивысший приоритет. Я готова даже приплатить за срочность.

– Давайте-ка, уважаемая Эльза Францевна, не будем торопиться. Вы сначала мне все расскажете, а затем мы обсудим финансовую сторону.

– Извольте. Кстати, можете обращаться ко мне просто по имени. Мне так привычнее, в Германии отчеств нет, отвыкла за восемь лет, да и моложе я вас почти вдвое.

Иван Макарович издал горлом неясный звук, который при желании можно было принять за знак согласия. Но я-то ясно видел, что его несколько покорило указание на почтенный возраст. Да, конечно, профессор прекрасно понимал, что он далеко уже не юноша и даже иной раз кокетливо называл себя стариком, но когда тебе молодая женщина этим в нос тычет, совсем другое дело, кому понравится? И зачем же так прямолинейно? Похоже, дамочка с тактом не в ладах, лепит, что думает. Эльза между тем, ничуть не смущаясь, пояснила:

– Я решила обратиться именно к вам, потому что одна моя приятельница отзывалась о вас в высшей степени уважительно, но, честно признаюсь, не думала, что вы такой старый. Ваш коллега моложе, но тоже мне в отцы годится, я даже подумывала сразу же уйти, однако вспомнила, что мозг ученого меньше подвергается возрастной атрофии, нежели мозг обывателя, особенно, если постоянно тренируется. К тому же моя проблема требует, в первую очередь, умения мыслить. Поэтому я решила остаться.

Вот тут у Ивана Макаровича от удивления челюсть отвисла, и он вошел в полный ступор. Я наверняка мало чем от него отличался. Это за кого же она меня принимает? В молодости я был хорошим мальчиком, позже, правда, испортился, но уж в семнадцать никак не мог стать отцом, не так воспитан.

– Как же мне лестна ваша оценка. – Немного придя в себя, профессор попытался подпустить сарказма, сохранять невозмутимость ему удавалось все труднее.

– Констатация факта не есть комплимент, – немедленно отреагировала Эльза Францевна и приступила к изложению своей проблемы, не испытывая, похоже, ни малейшего смущения.

– Последние восемь лет я живу в Германии, в России бываю редко, последний раз прилетала два года назад. В этот раз я прибыла третьего дня, то есть 19 октября, по приглашению сводного брата, у него и остановилась. Он сам предложил, нам требовалось кое-что обсудить. Но позавчера, то есть 20-го, мой брат, Леонид Федотович Штерн, был убит. Прямо во время празднования собственного дня рождения.

– Отравление?

– Именно. – Эльза совершенно не удивилась пронизательности старого сыщика. Хотя и я об отравлении в тот момент подумал, самый вероятный способ при скоплении людей. Не застрелили же его на глазах у всех.

– И вы хотите...

– Чтобы вы, уважаемый Иван Макарович, нашли убийцу.

– Значит, у полиции, как я полагаю, подозреваемого нет?

– Увы. То есть подозреваемых полно, все те, кто присутствовали на торжестве. Нет какого-то одного конкретного подозреваемого, а вот это плохо.

– Ясно. Вы хотите лично убедиться, что убийца вашего брата получил по заслугам, а на полицию, видимо, не рассчитываете.

– Не совсем так. Откровенно говоря, судьба этого негодяя меня мало волнует. Главное, чтобы он был изобличен, а что там потом с ним случится, посадят его, расстреляют или оправдают, мне не особенно важно. Важно, чтобы его (или ее) нашли побыстрее, потому что, пока этого не случилось, мы все под подпиской, а я не могу задерживаться в Москве надолго, мне надо возвращаться домой как можно скорее, иначе поймею серьезные неприятности. А на полицию я и вправду не рассчитываю. Но не потому, что плохо отношусь именно к российской полиции, думаю, в сложившихся обстоятельствах и наша сработала бы не лучше.

Признаюсь, услышав такое, я не удержался. Забыв, что моя функция – тихо сидеть в сторонке, не вступая в беседу, воскликнул:

– Помилуйте, ведь у вас брата убили, о каких еще неприятностях тут говорить можно?

Впрочем, Иван Макарович меня не только не осадил, но даже не посмотрел в мою сторону. Он уставился на клиентку, снова открыв рот в немом изумлении.

Эльза же обернулась и начала внимательно, как бы изучающе меня рассматривать. И выражение ее лица мне очень не понравилось. Мне уже приходилось видеть такое: смесь досады и снисходительного понимания. Первый раз – довольно давно. Так посмотрела на меня мама, когда я, наивный пятилетка, поинтересовался, отчего это она, когда телефон зазвонил, попросила отца ответить и, если это Лена звонит, сказать, что ее, мамы то есть, дома нет. Как же так? Мама же дома, тетя Лена – ее подруга, а врать нехорошо, это родители мне постоянно твердили.

Вот тогда мама и посмотрела на меня именно так, как сейчас Эльза. Досадовала она оттого, что приходится объяснять прописные истины, но в то же время понимала, что ребенок еще слишком мал, многого не понимает. И снисходительно разъяснила, что врать, сынок, конечно, нехорошо, но бывают разные обстоятельства. Если бы она поговорила с тетей Леной, то не успела бы испечь мои любимые блинчики. Вот тогда я и осознал, что иногда невинная, не доставляющая никому явных неприятностей, маленькая ложь допустима. Хотя бы ради блинчиков.

Но нынче я не тот наивный малец, и то, что молодая женщина, по возрасту почти годящаяся мне в дочери, смотрит на меня так же снисходительно, как и мама сорок лет назад, мне не нравилось. Тем более что она сочла необходимым ответить на мою реплику:

– Не понимаю, чем вызвана столь эмоциональная реакция, но она может помешать работе, поэтому поясню, хотя и не обязана ни перед кем отчитываться. Во-первых, Леонид мне не родной, а сводный⁴ брат, мы впервые познакомились, когда я школу заканчивала. Во-вторых, мы никогда не были особенно близки. А в-третьих, мы все когда-нибудь умрем, вы не знали? По моему глубокому убеждению, просто так никого не убивают. Раз Леня допустил такую ситуацию, что кому-то захотелось его убить, значит, проявил неосторожность, не смог правильно выстроить отношения с окружающими.

Впрочем, мы друг другу все же не чужие, несколько лет под одной крышей прожили, я скорблю и все такое, но брата не вернуть, а мне жить дальше. И мне непонятно, почему естественное желание любого нормального человека избежать возможных неприятностей вызывает чье-то осуждение. А на полицию я и впрямь не особенно рассчитываю, просто потому, что в деле слишком много подозреваемых и никаких улик. Я вам сейчас расскажу, сами увидите.

– Прошу простить моего друга, если он вас невольно обидел, – счел необходимым вмешаться Иван Макарович, хотя по его лицу было заметно, что он и сам был близок к тому, чтобы эту доморощенную философию немного «обидеть». – Но его можно понять. Говоря откровенно, нам редко доводилось общаться с клиентом, который изъяснялся бы столь прямо, я бы даже сказал, с циничной прямоотой.

– Так уж привыкла. А цинизм, между прочим, это всего лишь привычка называть вещи своими именами⁵. И подумав, вы не сможете отрицать, что дела делаются проще, когда партнеры обходятся без обиняков и экивоков.

– Хм, возможно. Но в таком случае мне хотелось бы узнать, отчего вы так спешите? Что за неотложные дела ждут вас в Германии?

– А вот это к делу совершенно не относится. Мои дела – это мои дела, и ничьи больше, как говорят американцы: «It's nobody's business⁶».

---

⁴ *Сводные братья-сестры* – не родня по крови. Если, к примеру, женщина, имеющая сына от первого брака, выходит замуж за вдовца с дочерью, эти дети, будучи друг другу изначально чужими, искусственно сводятся в одну семью. Оттого они сводные.

⁵ Эльза немного не точна. Древнегреческие киники проповедовали нигилистическое отношение к общепринятым правилам нравственности. Другими словами, они считали, что так называемые неписанные законы и правила необязательны для исполнения.

⁶ Дословно: «это ничье дело» или, проще говоря, «это никого не касается».

– Мы не в Америке, уважаемая. Когда я берусь за расследование, я должен знать все обстоятельства моего нанимателя. И тут уже не проходят объяснения типа «это к делу не относится», поверьте.

– Но это действительно к делу не относится. Да и какая вам, собственно, разница? В конце концов, кто деньги платит, тот и музыку заказывает.

– Не скажите, Эльза, не скажите. Не все измеряется деньгами, по крайней мере, для меня. Я, видите ли, не люблю, когда меня используют втемную, и очень не люблю иметь дело с людьми, мотивов которых не понимаю.

– Извините, Иван Макарович, но это странно, мне ваша позиция непонятна.

– А тут и понимать ничего не нужно. Если вы считаете себя вправе придерживаться определенного стиля поведения, то почему отказываете мне в том же? К тому же я человек старый, как вы совершенно верно подметили, а значит, консервативный, мне меняться поздно, да и необходимости, откровенно говоря, не вижу.

– Понимаете... вы не подумайте, по делу об убийстве я ничего не скрою, все, что знаю, расскажу. А почему спешка?.. Это очень деликатный момент, и мне бы не хотелось...

Я с интересом наблюдал за диалогом. Особенно забавно было видеть, как наша прямолинейная, прямо-таки железная валькирия вдруг занервничала, покраснела, стала мямлить, жевать слова, как обыкновенная женщина, смущающаяся оттого, что ее принуждают рассказать о себе что-то непристойное.

– Ну, ну, голубушка, не стоит так переживать, на мне свет клином не сошелся. Вы без труда отыщете массу частных детективов, которые не станут задавать неудобных вопросов. Да каждый второй не станет, если не каждый первый, особенно, если надбавку за срочность посулить. И толковые ребята среди них попадают, любой с радостью на вас поработает.

– Мне не нужен любой, мне нужен лучший.

– Спасибо на добром слове, но это ничего не меняет. Никогда не знаешь заранее, какая информация пригодится в расследовании. Бывает, то, что кажется важным, отправляется в итоге «в корзину», а ненужный поначалу пустяк, зряшная безделица, вдруг ложится в общую картину как недостающий кусочек в пазл. Так бывает, поверьте, вот и Сергей Юрьевич не даст соврать. Буквально на днях мы одно дело завершили, так там клиентка тоже все никак о своих личных обстоятельствах говорить не желала. Слезу пускала, глазки закатывала, охала-ахала. А в результате сведения, которые я из нее вытащил чуть ли не клещами, сыграли ключевую роль в расследовании.

Иван Макарович заметно расслабился. Он не уступит, конечно, не тот характер, но относиться к клиентке стал гораздо лучше, когда увидел, что обычные человеческие слабости ей не чужды. Да и высокая оценка свою роль сыграла. Доброе слово, как известно, и кошке приятно, тем более профессор, как я успел убедиться, на тонкую лезть совсем не обижался. Эльза Францевна тем временем задумалась. Думала минут пять, а мы не торопили, дело, видимо, деликатное. Наконец она приняла решение.

– Хорошо, я вам все расскажу. Не хотела раньше времени, но придется, тем более вы не из нашей научной среды. Но рассказывать буду подробно.

– Ничего страшного. Я вас внимательно слушаю.

– Ладно. Наша семья чисто немецкая. Мои родители – советские немцы, но из старых, их предки еще при Екатерине в Россию перебрались. Мама умерла рано, я ее почти не помню, отец растил меня один. Ну, понятно, с помощью нянечек, он всегда был человеком обеспеченным, мог себе позволить прислугу. И он не только не женился второй раз, но даже ни разу женщину в дом не привел, за что я ему очень благодарна, характер у меня с детства был твердый, упрямый, мачеху или тем более любовницу я бы не приняла ни под каким видом.

Хотя какие-то связи, как я теперь понимаю, у него наверняка были. Отец иногда пропадал на два-три дня, его работа была связана с частыми командировками, к чему я с детства

привыкла. Но теперь думаю, что в некоторые «командировки» он уезжал не один. И еще было у отца хобби, совершенно не типичное для людей его круга, сплавы по горным рекам. Вот в одной из экспедиций он и познакомился с Варварой Петровной, матерью Леонида. Она тоже была родительницей-одиночкой. Ну, а когда я школу заканчивала, они решили пожениться. Видимо, отец счел меня уже достаточно взрослой, готовой принять его решение без возражений.

– И вы не возражали?

– Прямо – нет, хотя в душе считала затею с женитьбой глупостью, ну, какая свадьба в их годы? Разве нельзя так встречаться? И не сказать, чтобы я плохо относилась к будущей мачехе, вовсе нет. Варвара оказалась приятной теткой, ничего плохого мне не делала. Она начала у нас бывать еще до свадьбы, например, когда они с отцом к очередной экспедиции готовились, так что я имела возможность познакомиться. И повторяю, ничего плохого о ней сказать не могу при всем желании, ни тогда, ни сейчас. Охотницей за богатым мужем ее тоже не назовешь, Варвара совсем не бедствовала. Экономист по образованию, в новое время она устроилась аудитором в крупной международной фирме и очень прилично зарабатывала. Во всяком случае, сына совершенно избаловала, Леня у нее ни в чем не знал отказа. Он был меня пятью годами старше, но ровно настолько же моложе характером, если вы понимаете, что я имею в виду.

Так что каких-то осознанных возражений против второго брака отца я выдвинуть не могла, он и так слишком долго холостяковал, больше десяти лет. Думаю, мое неприятие вызывала мысль о том, что в наше жизненное пространство вторгнутся посторонние люди. И хотя мы жили в просторной трехкомнатной квартире, размер в данном случае значения не имеет. Без разницы, каков размер вашего жилища, двадцать пять квадратных метров или двести пятьдесят, – это ваше личное пространство, и появление в нем постороннего человека неизбежно приносит определенные неудобства. Моя нынешняя квартирка совсем крохотная, но мне вполне комфортно, потому что я там одна.

Однако старшее поколение, будучи людьми взрослыми и опытными, видимо, о том же подумало. Отец с Варварой решили, что самым правильным в сложившейся ситуации будет построить новое совместное жилье. Тут уж у меня и последние возражения исчезли. В результате мы поселились в четырехкомнатной квартире в центре, обставленной по последнему слову техники. Вскоре после регистрации брака Варвара меня удочерила, а отец усыновил Леонида. Но я так и не смогла называть Варвару мамой, звала тетей Варей, а вот Леня сразу стал звать отца папой и даже его фамилию взял. Его-то собственная была Капусткин, он и решил, что Штерн⁷ звучит лучше. Правда, на мой взгляд, в сочетании с отчеством Федотович получилось смешно, но его устраивало.

Жили мы вполне мирно, если не считать постоянных мелких стычек с Леонидом, сестрой он меня явно не считал. В целом же все было хорошо, и длилась эта идиллия пять лет, а потом родители не вернулись из очередной экспедиции, их байдарка разбилась о пороги очередной горной реки. Я горевала, конечно, но не долго. В конце концов, не бабочек люди ловили, а занимались экстремальным видом спорта с повышенной степенью риска. Отец мог и пять лет назад погибнуть, и десять.

– На все божья воля, да? – иронично заметил Иван Макарович.

– Нет. Моя концепция мироустройства не требует наличия высшего существа в качестве обязательного компонента.

– Хорошо сказано, но это не ваш афоризм.

– А чей же?

– Примерно так один из французских академиков ответил на вопрос Наполеона, почему он ни разу не упомянул Бога в своем трактате.

---

⁷ В переводе с немецкого «штерн» означает «звезда».

– Интересно, надо будет проверить. Но вернемся к нашим баранам. Короче говоря, незадолго до окончания института осталась я круглой сиротой. Совсем одна осталась, ибо Леонид братом мне так и не стал. К счастью, я с детства отличалась прагматизмом и целеустремленностью, а также была достаточно самостоятельна в быту. Ну, а пока, похоронив родителей, приступили мы с несостоявшимся братом к дележу наследства. Завещания родители не оставили, что, на мой взгляд, безответственно. Особенно при столь опасных увлечениях, как прыжки на утлой лодчонке через горные пороги, а потому делить все имущество пришлось пополам.

Наследство заключалось в солидных банковских вкладах и в трех квартирах. Деньги мы поделили, а с недвижимостью поступили так: я записала на себя отцовскую квартиру, Леонид – Варварину, а ту большую, четырехкомнатную, в которой мы все жили, мы оформили в совместную собственность и решили сдавать. Но один немаловажный штришок к портрету – поскольку наша с отцом квартира была больше Варвариной, Леня не постеснялся требовать с меня разницу.

– То есть как это? – возмутился я. – Он же не имеет к вашей квартире никакого отношения.

– По справедливости не имеет, но, Сергей Юрьевич, вы же юрист (как-то не успел я предупредить Эльзу, что не юрист я, а писатель) и должны знать, что закон не всегда справедлив. А по закону мы с Леонидом имели равные права на *все* имущество. Поэтому спорить я не стала, заплатила без разговоров, но запомнила, а позавчера припомнила. К сожалению, разговор состоялся при жене Леонида, и она не замедлила все передать следователю. Не подумайте, что пытаюсь очернить покойника, просто даю полный расклад, чтобы вы понимали: если Леонид был способен так поступить со сводной сестрой, то уж с людьми посторонними и подавно. А следовательно, мог обидеть кого-то настолько, что этот кто-то его убил. Вот в каком направлении вам следует поискать, проверить, например, его отношения с компаньонами или...

– Голубушка, давайте-ка ограничимся только констатирующей частью. Вы даете мне информацию, а уж как и где искать, я как-нибудь сам решу, выводы делать и полученные сведения анализировать я умею, меня этому хорошо научили.

– Простите, Иван Макарович, не собиралась учить вас делать вашу работу, просто сочла полезным поделиться выводами. Однако я немного забегаю вперед. Еще в школе я решила стать ученым, а из наук более всего привлекала меня химия. Поэтому поступать решила в МГУ на химфак. Поступила легко, училась хорошо, поэтому по получении диплома была направлена в аспирантуру. Впрочем, справедливости ради, меня приняли бы, даже если бы училась плохо. В те годы желающих защититься было мало, наука в загоне, не то что на аспирантскую стипендию, на преподавательскую зарплату прожить было сложно. Но как раз материальный вопрос надо мной не довлел: отец оставил солидные средства, а жить я привыкла скромно. Да и квартиру (ту, которая наша общая) Леонид сдал удачно, моя доля составляла две тысячи долларов в месяц.

Защитилась я без проблем. Но еще в аспирантуре меня заинтересовала одна тема. Это... Впрочем, не буду забивать вам головы ненужной информацией, вы же не химики. Скажу только, что тема показалась мне интересной. Она находилась на стыке химии с биологией и считалась в серьезных научных кругах несколько авантюрной. Однако мне удалось наметить совершенно новый тип исследований. Правда, только теоретически, на практике же пришлось бы работать годы и годы, но в случае успеха – Нобелевская премия, как пить дать.

Знаете, бывает, некая идея завладевает человеком всецело. Вот и эта тема стала моей идеей-фикс. Но в России у меня не было ни малейших шансов. И тут совершенно неожиданно подвернулся вариант с переездом в Германию. Думала я недолго. А что? Я этническая немка, язык знаю с детства. И пусть наш язык несколько архаичен в сравнении с современным немецким, это все же один и тот же язык, с нуля учить не надо. Кроме того, я молода и ничем не связана, ни родней, ни какими-то обязательствами. Короче, в России меня ничто не удержи-

вало, и я уехала. Обустройство прошло относительно легко: сразу нашла работу по специальности, довольно быстро получила гражданство (не отказываясь от российского), а отцовского наследства хватило на приобретение небольшой, но уютной квартирki.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.